

Даже если бы они углубились в чащу еще на пятьсот метров, да хоть на целый километр — никаких следов кролика им было не сыскать.

Лэ Янь плелся в самом хвосте поискового отряда, молча проглатывая обиду и раздражение. Мало того что он не сомкнул глаз всю ночь, так теперь еще пришлось тащиться по бездорожью в самое пекло. Желудок уже давно затянул унылую голодную песню.

На одном из привалов он прислонился к старому пню и задремал. От резкого толчка парень клюнул носом, потерял равновесие и ошутимо приложился лбом. На коже мгновенно вздулась болезненная шишка.

Вскрикнуть от боли Лэ Янь не посмел: вокруг было слишкомлюдно, а привлекать к себе лишнее внимание хотелось меньше всего. Сейчас ему жизненно необходимо было оставаться невидимкой.

Внешне он вроде бы вписался в толпу, но положение оставалось шатким и двусмысленным. Пока он окончательно не выяснил, раскусил его офицер И или нет, приходилось тщательно поддерживать личину обычного человека.

Нельзя было ни сближаться с людьми доктора Чжоу, ни демонстрировать дружеские отношения с полицейскими.

Поисковые группы разошлись в разных направлениях. Отряд Лэ Яня углубился в лесную чащу примерно на полкилометра. И Ян о чем-то негромко беседовал с доктором Чжоу, но краем глаза постоянно следил за юношей и, едва закончив разговор, сразу же направился к нему.

Лэ Янь выглядел неважно: щеки пылали лихорадочным, неестественным румянцем. И Ян коснулся ладонью его лба.

— Тебе нездоровится?

Лэ Янь лишь вяло кивнул. Описать словами то, что творилось сейчас с его телом, было трудно. Накатила жуткая слабость, безумно хотелось есть, в голове мутилось, а при каждом движении к горлу подступала тошнота.

Каждое из этих ощущений само по себе было мучительным, а все вместе они превращали его жизнь в сущий ад.

— Уж не перегрелся ли ты на солнце? — И Ян достал из рюкзака бутылку минералки, открутил крышку и протянул Лэ Яню. — Поиски все равно подходят к концу, давай-ка я отведу тебя домой.

— Перегрелся? — усомнился Лэ Янь.

Небо было затянуто тучами, жары он не чувствовал, так что версия с тепловым ударом казалась сомнительной.

Он сделал несколько глотков под пристальным взглядом И Яна, пытаясь разобраться в собственных ощущениях, и тут его осенило.

«А ведь действительно — тепловой удар. Он ведь не просто карликовый кролик, а длинношерстный ангорский. Учитель Шэнь всегда ворчал, что пылинки с него сдувает, словно с капризного барина: чуть сквозняк или духота — и ушастый питомец уже чахнет, отказывается от еды и забивается в угол»

— Я очень хрупкий, — тихо произнес Лэ Янь, подбирая наиболее точное слово.

— Нечасто услышишь от парня признание в собственной хрупкости, — усмехнулся И Ян, изогнув бровь. — Хотя, глядя на тебя сейчас, спорить трудно.

Лэ Янь мысленно пообещал себе раз и навсегда вычеркнуть это слово из своего лексикона. Постаравшись придать голосу максимально изнеможенный вид, он прошептал:

— Хочу домой.

— Ладно. Забирайся, понесу, — И Ян повернулся к нему спиной и присел. — Заодно расспрошу тебя кое о чем по дороге в больницу. Не бойся, это неофициально, в участок тебя тащить никто не собирается.

— Так вот ради чего вся эта доброта? — у Лэ Яня слишком сильно кружилась голова, поэтому он без лишних пререканий взобрался на широкую спину полицейского, устроив подбородок у него на плече. — Если это не допрос, может... сменишь тон на более дружелюбный?

— Дружелюбный?

— Ну да, интонации. Ты вечно разговариваешь так, будто ведешь допрос, а я вообще-то ни в чем не виноват. Мы просто соседи. Да, общались мы немного, но ведь законы добрососедства предписывают нам помогать друг другу, разве нет?

— Никого я не допрашиваю, просто привычка. Не сюсюкать же мне с тобой? — И Ян негромко хмыкнул. Он шел не торопясь, внимательно глядя под ноги и уверенно преодолевая крутой спуск. — Хочешь, буду говорить вот так? — нарочито тонким, елейным голоском пропищал он. — Так твоему нежному ушку приятнее?

— Ужасно. Пожалуйста, прекрати, — честно признался Лэ Янь. — Звучит крайне подозрительно, будто ты какой-то извращенец.

И Ян весело расхохотался, но быстро вернулся к делу:

— Ладно, шутки в сторону. Ты подумал над моим предложением? Когда сможешь уделить мне время?

— Никогда, — отрезал Лэ Янь.

Ему хотелось держаться как можно дальше от настырного соседа, ну или хотя бы подождать, пока тот не уволится из органов. Что, конечно, вряд ли случится.

— Тогда переговорим по дороге на рынок, — И Ян слегка повернул голову, силясь поймать его взгляд. — Все равно ведь со скуки маешься, пока туда топаешь, угадал?

—...

Маленький трусливый кролик внутри него не смел перечить.

— Договорились. В выходные, ровно в полшестого вечера, буду ждать тебя у подъезда.

—...

С такой точностью расписания о личных границах и приватности можно было забыть навсегда.

Пока они шли молча, Лэ Янь лихорадочно соображал, какие каверзные вопросы заготовил для него офицер И. Кажется, кроме той злополучной потерянной туфли, он нигде не наследил. Не выдержав неопределенности, он спросил напрямую:

— А почему ты не хочешь спросить сейчас?

— Уверен, что хочешь услышать это прямо здесь?

Лэ Янь прикусил язык. Рисковать не хотелось. Проиграй он эту безмолвную дуэль — и весь мир узнает, что перед ними кролик-оборотень. Тогда его точно затравят, как паршивую крысу.

Сравнение, конечно, хромало, но суть отражало верно.

— Всё, я больше не могу разговаривать, — пробормотал Лэ Янь.

Его снова мутило. Без сил он уткнулся лицом в плечо И Яна.

Дорога под уклон была неровной, но покачивания широкой мужской спины убаюкивали, напоминая мягкое кресло-качалку. Нахлынувшие ощущения перенесли его в прошлое, в стерильный наблюдательный бокс. Когда маленький ушастый Лэ Янь капризничал и отказывался спать, доктор Шэнь Цин устраивал его в специальную качающуюся колыбель с подогревом. Он аккуратно подталкивал ее кончиком пальца и ласково баюкал питомца тихим, монотонным голосом.

Мягко покачиваясь в такт шагам И Яна, Лэ Янь провалился в тяжелый, тревожный сон.

Шестнадцать дней и двенадцать часов назад

Глубоко под землей, на полукилометровой глубине под горой Серебряного Копья, ярко пылали люминесцентные лампы секретной лаборатории. Группа ученых в белоснежных халатах замерла в томительном, тревожном ожидании результатов решающего теста.

Во втором экспериментальном зале за овальным столом собрались восемь докторов наук и трое интернов. Все взгляды были прикованы к огромному мерцающему монитору, где вот-вот должны были отобразиться данные расшифровки генетического кода подопытного кролика R2109.

Шэнь Цин в этих исследованиях не участвовал. Он лишь бесшумно вошел в зал, чтобы оставить для коллег бутылки с водой, а уходя, незаметно запер за собой тяжелую дверь снаружи. Затем, достав из тайника флакон без маркировки с загадочной синей жидкостью и плотный брезентовый рюкзак, он направился к стерильному боксу, где содержался совсем другой подопечный.

— Лэ Янь, помоги мне кое в чем.

Голос Шэнь Цина звучал тише обычного. Из пересохшего горла с трудом вырывался хриплый шепот. Он ласково поманил ушастого подопечного рукой:

— Сюда, ко мне.

— Учитель?

На тонкой руке мальчика синели три свежих следа от иглы — совсем недавно у него брали кровь на анализы. Но едва Шэнь Цин извлек катетер, как крошечные ранки начали затягиваться прямо на глазах.

Прибор, фиксирующий мозговую активность, при появлении Шэнь Цина выдал резкий скачок — кривая на мониторе задергалась в бешеном ритме.

Сорвав с висков датчики, Лэ Янь скользнул с кушетки. Он вплотную приблизился к прозрачной преграде и прижал ладони к закаленному стеклу.

— Что я должен сделать, учитель?

— Вот это, — Шэнь Цин приподнял увесистый рюкзак, и его голос сделался еще тише. — Я хочу, чтобы ты вынес отсюда одно письмо.

«Вынести? Наружу?»

Лэ Янь непонимающе склонил голову набок.

Вся его жизнь прошла в стерильном боксе под прицелом видеокамер и датчиков. Он привык, что чужие люди в масках постоянно взвешивают его, измеряют температуру и берут анализы. Для них он был лишь R133 — серийным номером, заменявшим имя.

Этот холодный пластиково-стеклянный вольер заменял ему целую вселенную. Лэ Янь понятия не имел, что лежит за пределами лаборатории. Растерянно глядя на холщовую сумму в руках наставника, он послушно, по своей кроличьей привычке, кивнул.

Шэнь Цин едва держался на ногах. Опираясь на лабораторный стол, он медленно, шатаясь, подошел к шлюзу. Его затрясло от удушливого кашля. На рукав халата брызнула темная, почти черная кровь, но ученый поспешно спрятал руку за спину.

Дрожащими пальцами он положил синюю ампулу на лоток передаточного шлюза.

Загудел мотор, лоток скользнул внутрь бокса.

— Выпей это, — тихо велел Шэнь Цин. — И забудь код R133. С этого момента его больше не существует.

Мальчик послушно осушил ампулу. Никаких изменений он не почувствовал. Внимательно глядя на заходящегося в кашле наставника, он спросил:

— А где само письмо? Кому мне его передать?

Пока он говорил, кончики его длинных пушистых ушей обдало жаром. Лэ Янь испуганно вскинул руки — но макушка оказалась абсолютно гладкой. Уши исчезли.

Вместо них под мягкими волосами нащупывались аккуратные человеческие ушные раковины. Торопливо потянувшись назад, он не обнаружил и привычного пушистого помпона — белый

хвостик бесследно пропал. Лэ Янь ощупал себя еще несколько раз, пока окончательно не поверил: звериных признаков больше не осталось.

Теперь внешне он ничем не отличался от обычного человеческого ребенка.

— Найди девушку по имени... Шэнь Юй, — Шэнь Цин снова зашелся в мучительном кашле, тонкая струйка темной крови побежала по подбородку, пачкая воротник халата. — Письмо предназначено только ей. Передай лично в руки. Пообещай мне. Как только выберешься, бери рюкзак — там все необходимое. Ты человек, Лэ Янь, и твое место среди людей.

— Учитель, что с вами? — Лэ Янь в панике прижался лицом к стеклу.

— Все хорошо... — доктор Шэнь с трудом дотащился до главного пульта управления. Собрав последние силы, он нажал на крупную красную кнопку. Защитный стеклянный купол со свистом пополз вверх.

Лэ Янь нерешительно замер, а затем сделал свой первый шаг наружу.

Его босые ступни впервые коснулись холодного бетонного пола за пределами стерильного бокса.

Непривычно шершавый цемент колот подошвы. Лэ Янь шел осторожно, едва ступая на носочки. Приблизившись к наставнику, он робко коснулся пальцами алого пятна на его груди. В его круглых глазах застыло странное, несвойственное человеку отрешенное сострадание:

— Учитель, вам больно?

— Нет, не больно.

— Хорошо, — Лэ Янь заглянул ему в глаза. — Если у меня больше нет ушей и хвоста... я теперь настоящий человек?

Взгляд Шэнь Цина потеплел, но в глазах застыла невыразимая печаль.

— Ты стал человеком еще три года назад, когда завершилась твоя первая метаморфоза.

Три года назад, приняв первый стабильный раствор сыворотки, кролик R133 внезапно обрел человеческий облик. Если не считать ушей и хвоста, его физиология была безупречна — ни один анатом не нашел бы изъяна.

Но технологии того времени были несовершенны. Из-за грубых пробелов в генетическом коде

организм R133 не вырабатывал Т- и В-лимфоциты. Полный иммунодефицит делал его беззащитным перед любой бактерией или спорой грибка. Малейший контакт с открытым воздухом грозил смертью, поэтому его заперли в прозрачной тюрьме стерильного бокса.

В лаборатории были и другие вольеры. Три года Лэ Янь наблюдал, как в соседних боксах без конца менялись подопытные животные. Таблички с номерами мелькали одна за другой, и лишь на его стекле неизменно горели четыре символа: R133.

Его случай оказался уникальным. За три года мучительных исследований погибли тысячи подопытных кроликов, но ученые так и не смогли продвинуться ни на шаг в этом жестоком, бесчеловечном эксперименте.

Разработка корректирующего препарата далась Шэнь Цину дорогой ценой — чувство вины и моральные терзания сутками не давали ему покоя. И лишь в тот день, когда он твердо решил подарить Лэ Яню свободу, доктор впервые за долгие годы заснул спокойно.

Отгнав призраков прошлого, Шэнь Цин протянул Лэ Яню рюкзак и произнес слова, которые навсегда врезались в память мальчика.

На самом деле имя у R133 появилось задолго до побега.

Чтобы обезопасить проект от проверок, ученые заранее состряпали для него липовые документы на имя лаборанта-исследователя, занимавшегося изучением онкологии. В случае ревизии комар носа бы не подточил.

Но именно Шэнь Цин дал ему настоящее, человеческое имя — Лэ Янь.

Мальчик рос нелюдимым и молчаливым, но наставник искренне надеялся, что тот найдет свой голос. Общительность и красноречие — лучшие проводники в мире людей, а умение ладить с окружающими еще никому не вредило.

Оглушительный взрыв прогремел без предупреждения, в ту самую секунду, когда Шэнь Цин затолкнул Лэ Яня в грузовой лифт.

Ударная волна и раскаленный воздух мгновенно разнесли шахту подъемника в щепки.

Сквозь грохот рушащихся стен Лэ Яню показалось, что он слышит тихий, облегченный смех наставника, прежде чем того поглотило бушующее пламя.

Шэнь Цин падал навзничь в огненную бездну. И в этот миг до Лэ Яня долетели его последние слова:

— Конец этому безумию — величайшее облегчение.

<http://bllate.org/book/18275/1750799>